

Лара
Дубеева

ЖИВУЩИЙ
В ТЕНИ

18+

Лара Дивеева

ЖИВУЩИЙ В ТЕНИ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70250611
SelfPub; 2024*

Аннотация

Моя жизнь как открытая ладонь, без секретов и сожалений. Грехов, и тех не наскрести для покаяния. До тех пор, пока незнакомка не отправляет меня на край света. К мужчине, который возмущает и влечёт. К секретам, которые вывернут мою жизнь наизнанку. Если бы я заподозрила подвох, если бы могла представить последствия, то... Всё равно бы поехала. Ничего бы не изменилось. Потому что иногда путь в будущее начинается на краю света. Потому что с любовью не поспоришь. В оформлении обложки использована иллюстрация oneinchpunch/shutterstock по стандартной лицензии.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глав	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лара Дивеева

ЖИВУЩИЙ В ТЕНИ

ПРОЛОГ

Все события и герои вымышлены, все совпадения случайны. Суждения героев не отражают мнения автора. Поступки и решения героев не являются рекомендацией.

Виктор Орлов ни за что бы не признал свою слабость, досадную уязвимость. Проходя через приёмную, он выглядел от макушки до пят главой фирмы, решительным и властным.

– Эмма, зайди ко мне! – прозвучало приказом.

Я хорошо знала отца, поэтому заметила горестную усталость в его глазах. Трагедия высосала из него слишком много сил.

Зайдя в кабинет, он попытался закрыть жалюзи. Путаясь в шнуре, дёрнул изо всех сил и выругался.

– Папуль, что с тобой?

– Всё в порядке! – отрезал. Не глядя на меня, нервно постучал пальцами по подоконнику. – Я ездил на Липецкий.

Папа не из тех, кто любит разговоры по душам. Если бы мог, он вообще бы не затронул болезную тему.

– Ты был в бабушкиной квартире?

– А где ещё? Поговорил с нотариусом, надо заехать к нему с документами.

Папа рубил фразы, спешил, морщился. Некоторые факты не хотелось произносить вслух. Например, то, что речь шла об оценке имущества после бабушкиной смерти, о точке в конце её жизни.

– Что-нибудь ещё?

– Процесс займёт время, хотя, кроме квартиры, у бабушки не было ничего ценного. Раньше были семейные драгоценности, но, похоже, она их продала. В любом случае надо разобраться с вещами. Поможешь? – Склонившись над макетом торгового центра, папа делал заметки в блокноте, тем самым показывая, что беседа завершена и у него куча важных дел. – Я очень занят, – сказал и поморщился от горечи во рту. От привкуса лжи, невинной, но тем не менее лжи. Потому что дело не в занятости, а в том, что смерть дорогого человека, даже ожидаемая в связи с болезнью, – это удар под дых. Открыв бабушкин шкаф и увидев халат, серый с алыми маками, с верхней пуговицей, болтающейся на одной нитке, папа задохнулся от кома в горле. Так и ушёл, не завершив дела.

– Конечно, пап, я помогу.

– Мы с тобой справимся вдвоём, да? Ты же знаешь, как мама расстроилась из-за бабушкиной... – в который раз споткнулся на слове «смерть».

На похоронах мама взхлёб рыдала о свекрови, хотя их

отношения были пусть и хорошими, но сдержанными. А вот папа вёл себя отстранённо и строго. И о своих переживаниях говорить отказывается, «держит» лицо. Даже если рухнет весь мир, Виктор Орлов будет стоять на развалинах с бодрой улыбкой. И, будучи архитектором, обрадуется возможности раскрутить бизнес.

Мне не изменить отца, альфа-мужчину от седеющей макушки до элегантных ботинок, но я могу заслонить собой брешь в его броне. Сделаю всё, что просит, и не стану насильно лезть в душу. У меня тоже уйма дел, однако найду время помочь. Папу лучше не провоцировать, сейчас не время для ссор и для его едкого сарказма. Дескать, раз я так и не стала архитектором, то мои дела не могут быть важными.

Папа относится к типу мужчин, которым обязательно нужен преемник, предпочтительнее сын, мужской склад ума роднее. На архитектурный я не поступила, не прошла по конкурсу. А раз уж разочаровала папу, то выбрала профессию по душе – дизайн интерьера. Работаю в его фирме дизайнером, но он продолжает надеяться, что я продолжу обучение на архитектора. Дескать, дизайн интерьера – дело несерьёзное, вторичное, ведь без здания нет и интерьера. А без преемника папе некому передать бизнес.

Нет ничего тяжелее, чем родительские мечты на твоих плечах.

– Скажи, чем помочь, и всё будет сделано. – Я вложила в улыбку море тепла.

Протянув мне папку с документами, папа прищурился.

– Только не раскисай! Ты моя дочь, поэтому со всем справишься.

Странные слова, подумала я тогда. От них остался неприятный осадок, тремор волнения в груди. Будто папа отделил нас от мамы и осудил её за слабость. Будто можно осуждать за то, что мы по-разному переживаем горе.

Мне почудилось, подумала я тогда. Посмотрела на папино бледное лицо, на сурово сдвинутые брови. Хотелось обнять его, растормошить, раскрошить его броню, но я сунула руки в карманы и вздохнула.

В дверь постучали, и в кабинет заглянула секретарь.

– Эмма Викторовна, простите за беспокойство! К вам курьер. Настаивает, что должен отдать письмо лично в руки. – Судя по смеху в её голосе, с курьером что-то не так.

Папа махнул рукой, отпуская меня и не скрывая облегчения, что разговор о бабушке завершён.

Я вышла в приёмную.

Парнишка школьного возраста топтался у дверей. Увидев меня, спрятал ком жвачки за щёку и потребовал документы. Строго так потребовал. Взяв паспорт, тщательно сличил фотографию с оригиналом, то бишь с моим лицом.

Я еле сдерживала смех.

С торжественным «Ладно!» мальчик протянул мне памятный конверт.

Я озадаченно повертела его в руке. Адрес написан незна-

комым почерком, сбоку нарисованы два небрежных квадрата. В одном надпись печатными буквами: «Лично в руки», в другом – «Строго конфиденциально». Слово «строго» подчёркнуто. Два раза.

– Никому не показывайте, это лично вам! – Парнишка выпучил глаза для острастки и ушёл.

Не стану лгать, он разжёл моё любопытство.

Кружевные буквы с неровным нажимом, похоже на почерк пожилого человека. И эти странные печати, нарисованные от руки...

Разорвала конверт. Внутри оказался ещё один, с тиснёным рисунком, в таких отправляют поздравительные открытки.

«Эмме Орловой. Лично в руки»

А вот эти слова написаны знакомым и любимым почерком, узнаю бабушкину фигурную «Э» и завитушку над «й».

Внутри всколыхнулось тревожное предчувствие, холодным камнем осело в желудке. Бабушка могла отдать мне письмо, когда мы виделись в больнице. Или оставить его в квартире, или передать через родителей. Но она выбрала другой способ отправки... странный.

Секретарь привстала, пытаясь разглядеть содержимое конверта.

– Интересно, сколько лет этому курьеру? Явно же школьник. – Она улыбнулась. Вопросительно.

– Он и есть школьник. Я пожертвовала деньги на школь-

ную выставку, и дети прислали открытку с благодарностью. — Слова вылетели без задержки, уверенно. Ложь казалась мягкой и лёгкой, как пух. Что бы ни прислала бабушка, посторонним незачем об этом знать.

Улыбнувшись секретарю, я положила письмо в карман. Уже тогда знала, что это письмо, а не открытка. Оно слишком легкогнулось, мялось, сжималось в ладони. Закрывшись в кабинете, я защёлкнула замок на двери. Всё это время держала руку в кармане. Сжимала конверт, сминала всеми пальцами, будто кто-то мог украсть его, и тогда я не узнаю, какую тайну бабушка не смогла или не захотела раскрыть при жизни и доверить словам.

Я подумала тогда, что моя жизнь скучна, как осеннее небо, если письмо от бабушки настолько расшатало мои чувства. В нашей семье нет тайн, нет скелетов в шкафах. Наша жизнь как открытая ладонь, и, хотя я давно уже выпорхнула из родительского гнезда, мы с ними очень близки. По субботам гуляем в парке всей семьёй — папа, мама и я. Ездим за город на шашлыки, ходим на выставки и концерты. Бабушка тоже присоединялась, а потом мы ужинали у родителей дома. Мама с папой пели дуэтом, я аккомпанировала на пианино, а бабушка на скрипке. Наше прошлое развешено десятками фотографий и дипломов на стенах родительской квартиры. Между серебряными рамками нет места для тайн.

Вытерев вспотевшие руки о салфетку, я разорвала второй конверт.

Письмо пахло карамелью. Бабушка обожала сладкое, вечно шуршала фантиками и втайне от родителей совала мне конфеты в карманы. Воспоминания о ней пахнут карамелью. Пришлось промокнуть глаза, чтобы различить буквы.

Эмма,

Увы, я не оставила богатого наследства, но вы и не ждали чудес. Надеюсь, у вас всё хорошо и печаль улеглась. Я прожила интересную жизнь и ни о чём не сожалею, хотя иногда приходилось принимать очень непростые решения.

У меня к тебе просьба. Пожалуйста, помоги моей подруге. Ей больше не к кому обратиться, а она мне очень дорога. Очень! Сделай это ради меня и сохрани мою просьбу в секрете, хотя бы какое-то время. Скоро ты поймёшь, что к чему.

Ты моя внучка, поэтому я уверена, что ты со всем справишься.

Любящая тебя

Бабушка

P.S. Помни: сердце либо любит, либо нет, и с этим не споришь.

Моей первой реакцией было разочарование.

Я вертела листок в руках, всё ещё надеясь найти описание вкусной семейной тайны. Бабушка работала переводчицей художественной литературы, поэтому даже в быту выра-

жалась образно и драматично. Однако эта просьба... скучная. Скучная и странная.

Помоги моей подруге.

Почему бабушка не попросила об этом при жизни? Кто отправил письмо?

Не могу понять, разочарована я или озадачена.

Сделай это ради меня и сохрани мою просьбу в секрете.

Бабушка наверняка не хотела, чтобы мы нагрянули к её подруге всей семьёй, но... у неё не было секретов от родителей. Ведь не было же?

Озадаченная, я провела пальцем по следующей строке.

Ты моя внучка, поэтому я уверена, что ты со всем справишься.

Сказано в духе папы. Он тоже твердит, что раз я его дочь, то способна на большее, чем остальные.

Помни: сердце либо любит, либо нет, и с этим не поспоришь.

Непонятно, к чему и к кому относятся эти слова. Бабушка всегда любила философские загадки. Творческий человек – это диагноз.

На обороте письма незнакомые имя, адрес и телефон. По коже пробежал мороз, странное волнение. Бабушка много рассказывала о своей жизни, но никогда не упоминала эту женщину, как оказалось, *очень* ей дорогую. У бабушки было две подруги, и у обеих большие семьи, которые о них заботятся. Я с ними знакома, родители тоже, и вот...

Галина Максимовна Рязанцева. Подруга, о которой никто не знал?

На моих губах вкус обиды.

Я носилась с этой обидой весь день, как ребёнок, недовольная, что таинственное послание с того света оказалось странной просьбой, о которой, к тому же, я должна молчать. Хотя должна ли? После смерти ничто не имеет значения – ни репутация, ни секреты, тщательно охраняемые при жизни. Я думала об этом, пока ехала к родителям на ужин. Очень хотелось расспросить их о незнакомке.

Однако я промолчала. Смотрела на родителей, родных и привычных, и молчала, поглаживая шершавую поверхность конверта в кармане. Папа переоделся к ужину в чистую рубашку, принёс из кухни кастрюлю с супом. Мама порхала по гостиной, раскладывая еду. Она относится к обязанностям домохозяйки с серьёзностью и методичностью хирурга, и всё в доме, от цветов в вазах до меню, продумано до мелочей. Именно из мелочей строится семья. Из того, как мама оставляет папе его любимые хлебные горбушки. Из того, как он хвалит еду, вдумчиво и честно. Из того, как на развешанных на стенах семейных фотографиях папа обнимает нас, показывая, что готов защитить нас, несёт ответственность и гордится этим.

Ещё вчера мы не имели друг от друга секретов, и мне нравилось то чисто-прозрачное чувство, полная открытость се-

мьи. Я верила, что можно всю жизнь держаться за руки и никто не отпустит. А теперь появилось странное письмо с просьбой, которую я должна выполнить втайне от родителей. И предчувствие, тревожное и неприятное.

– Эмма, солнышко, ты какая-то подавленная сегодня. Всё в порядке?

– Да, просто немного устала.

Я сжимала письмо в руке и думала о том, что секреты растут, как кристаллы. Начинаются со странного письма, с конверта в кармане, а потом сверху налипает ложь. Одна ложь, другая, врастают друг в друга, множатся. Формируют новое непредсказуемое нечто.

Мне не нравятся секреты, они фальшивой нотой звучат в атмосфере родного дома.

Я должна срочно разобраться с бабушкиной просьбой.

На следующий день я навестила незнакомку, которую бабушка назвала подругой. Седая, худенькая, с глазами цвета голубого хрусталя, Галина Максимовна казалась бесконечно хрупкой. Разливая заварку из фарфорового чайника, она печально вздыхала.

– Меня всегда подводило здоровье, поэтому я должна была умереть первой. Но вот я жива, а сестра моя Валенька умерла и твоя бабушка тоже... ох, извини! Не хотела тебя расстроить.

Оказалось, что Галина Максимовна навестила бабушку в

больнице и та отдала ей письмо для меня.

– Твоя бабушка предположила, что после её смерти ты на время переедешь жить к родителям. Я не хотела, чтобы у них возникли вопросы, поэтому отправила... м-м-м... курьера к тебе на работу. – Смутившись, она огладила морщинистыми ладонями передник.

Ага, курьера. Скорее, чьего-то внука. Однако мальчик выполнил поручение, не придерёшься. Но всё равно непонятно, почему бабушка лично не попросила меня помочь или не оставила письмо в своих вещах.

Я осмотрела опрятную кухню, гадая, чем могу помочь Галине Максимовне. Продуктов в холодильнике достаточно, везде чистота и порядок, да и хозяйка хоть и хрупкая, но на удивление подвижная женщина.

– У меня больное сердце, и врачи не обещают ничего хорошего, – сказала она, будто зная, о чём я думаю.

Эти слова всколыхнули воспоминания о бабушке, и я зажмурилась, сдерживая слёзы.

– Вы только скажите, что вам нужно, и я постараюсь всё устроить, – пообещала шатким голосом. – Могу организовать доставку продуктов и уборку, могу ездить с вами к врачу на такси...

– Ты очень похожа на Витю, твоего отца, такая же предприимчивая и решительная, – сказала Галина Максимовна со странной горечью в голосе. Узловатые пальцы скользнули по моим волосам скупой, незнакомой лаской.

– Скажите, как получилось, что мы с вами никогда не встречались?

– Мы с твоей бабушкой знали друг друга с молодости, но я не очень общительная, а в последние годы здоровье подвело, поэтому виделись крайне редко. Не волнуйся, я не отвлеку тебя надолго. Мне действительно нужна помощь, но при условии, что ты никому не скажешь о моей просьбе.

Я сглотнула, и этот звук показался слишком громким, почти неприличным в тихой обыденности кухни. Почему я так странно реагирую? Какое мне дело до чужих секретов?

– Ты талантливый фотограф, Эмма. Бабушка показала мне твои работы. Находить красоту в обыденных вещах – это редкий дар.

– Спасибо, но я всего лишь любитель.

– Мне нужно, чтобы ты сделала несколько фотографий. Для меня... для нас с твоей бабушкой это *очень важно*. – Галина Максимовна улыбалась, но последние два слова прозвучали с нажимом, взволнованно.

Не знаю, чего я ожидала, но явно не такой простой просьбы. Интрига рассыпалась в прах, зато поручение может оказаться интересным. Фотография давно стала моим хобби, хотя редко удаётся выкроить свободное время.

– С удовольствием вам помогу. Кого я буду фотографировать?

– Речь идёт не о человеке, а о месте, где я родилась. К сожалению, самой мне туда не добраться из-за слабого здо-

ровья, но не хочется умирать, пока снова не увижу родные места, пусть хоть на фотографиях. Мы жили посреди леса в красивом бревенчатом доме с большим хозяйством и садом. Отец был заядлым охотником и рыбаком. В доме всё сделал своими золотыми руками – резную мебель, карнизы, печь. Не знаю, сохранилось ли там что...

Галина Максимовна затерялась в воспоминаниях, а я судорожно прикидывала, как далеко придётся ехать.

– Где находится ваш дом?

– На Сахалине.

Э-э-э...

Мои мысли не делали мне чести. Сахалин? Она шутит?! Это на другом конце страны! У меня дел невпроворот. Папина фирма готовит презентацию проекта нового торгового центра, и я должна произвести впечатление на заказчика. Представляете, сколько там работы для дизайнера интерьера?! Это вклад в моё будущее, в мою карьеру...

Неужели у Галины Максимовны нет знакомых на Сахалине? Даже если нет, наверняка можно нанять местного фотографа.

– Вы хотите, чтобы я отправилась на Сахалин и сфотографировала дом, где вы родились? – спросила, надеясь, что неправильно поняла просьбу.

Галина Максимовна радостно закивала, и не подозревая о коварстве моих мыслей.

– И сад тоже, и лес с рекой. И деревню. Я объясню, как

найти мои любимые места. Ты расскажешь мне о поездке и покажешь фотографии, вот и получится, будто я сама там побывала. Тогда я смогу умереть спокойно. Это волшебное место, другого такого нет. – Она порывисто вздохнула, справляясь с эмоциями. Голубой хрусталь её глаз казался мутным от слёз.

Я поёжилась от стыда. Тяжело больная женщина доверяет мне важную и очень личную миссию, а я сижу и думаю, как выкрутиться. Надо было всё-таки поговорить с родителями. Может, узнала бы что-то полезное об этой женщине и заранее подготовилась к встрече.

Галина Максимовна будто услышала мои мысли.

– Местных жителей там немного, имения мало кто помнит. Можешь сказать им, для чего приехала. Но твои родители... Я не хочу, чтобы они знали о поездке. В прошлом у нас с Витей не сложились отношения. Бабушка обещала, что ты уважишь мою просьбу и сохранишь секрет. Это очень личное дело, понимаешь?

Про личное дело я понимаю, но не думаю, что родителям интересна её тайна. Да и не тайна это вовсе, а простое и понятное желание увидеть родные места. Возможно, она боится, что папа нелестно о ней отзовется, и тогда я откажусь лететь на Сахалин?

Минутку... я что, собираюсь согласиться?!

– Ты не представляешь, как там красиво! – Галина Максимовна зажмурилась от удовольствия воспоминаний. – Воз-

дух можно пить, как жидкое здоровье. Посмотришь вокруг, и душа раскрывается для счастья. Даже небо другим кажется, выше и ярче, и дышать легче...

Это было не рекламой, а ностальгией.

В глубине души я уже знала, что поеду. И что родителям ничего не скажу, тоже знала. Потому что прагматичный папа попытается вмешаться. Уж он-то сразу найдёт местного фотографа, но это будет не то. Совсем не то, почти предательство. Бабушка не стала бы просить просто так. Раз это важно для неё, то и для меня тоже. Последняя просьба как-никак.

Рука потянулась к конверту в кармане. Тиснение приятно щекотало пальцы, успокаивая и заверяя, что я поступаю правильно. Для меня эта поездка – досадное неудобство, но результат сделает бабушкину подругу счастливой.

Я думала об этом, пока слушала её рассказ, а потом улыбнулась и ответила солнечным: «Конечно, я поеду».

Вот так однажды незнакомка отправляет вас на другой конец страны, и вы соглашаетесь. Почему, спрашивается? Из-за сияния надежды в её глазах? Из-за бабушки? Или из белой зависти, потому что у меня нет ничего такого, о чём я говорила бы с блеском в глазах. Без чего боялась бы умереть.

А может, дело в деньгах... да-да, деньгах, которые протянула мне Галина Максимовна. Несколько крупных купюр и множество мелких в потрёпанном конверте. На случайную прихоть не копят деньги так долго и старательно, по капле. Раз копила, раз надеялась, значит, для неё это действитель-

но важно.

– Ты уж прости, Эмма, заплатить я тебе не могу, но вот возьми деньги на самолёт и на гостиницу, пока не доберёшься до места. А там уж... Надеюсь, он будет сговорчив! – Прикрыв рот морщинистой ладонью, она смущённо хихикнула.

Я отступила, отказываясь от денег, но замерла в полушаге, когда до меня дошли последние слова Галины Максимовны.

– Кто будет сговорчив?

– Теперешний владелец дома. – Её глаза сияли лазурной невинностью.

Конечно, где дом, там и его владелец, и удивляться вроде как нечему, но... Галина Максимовна описала место в глуши и несколько раз повторила: «Не знаю, сохранилось ли там что», поэтому моя буйная фантазия услужливо подкинула картины живописных развалин, увитых шёлком плюща и дикими розами. Даже если развалины кому-то принадлежат, я приняла как данность, что разрешение на фотографии получено и у меня будет свободный доступ. И жить я буду в гостинице со всеми удобствами.

А теперь как будто перевернула страницу и попала совсем в другую историю. Мы договорились обсудить детали перед отъездом, но тему несговорчивого владельца откладывать не хотелось.

– Вы договорились с владельцем дома о моём приезде? Мне нужен номер его телефона. – Я поёжилась от странного предчувствия.

Галина Максимовна рассмеялась мелодично и мягко, так потешаются над детской наивностью.

– Это глухая деревушка, там почти нет связи. Ты городская девушка, тебе этого не понять, но в жизни на краю света есть особая романтика.

Она издевается или считает меня дурочкой? Деревня расположена в нескольких часах езды от Южно-Сахалинска, но связь наверняка есть... хоть какая-то?

– Там нет ни телефонной связи, ни обычной почты?!

– Почта есть.

– Вы написали владельцу дома?

– Конечно! Как только мы поговорили с твоей бабушкой, я ему написала.

– И что он ответил?

– Он не из тех, кто отвечает на письма, но он знает о твоём приезде и обо всём позаботится.

Обо всём позаботится? Тогда почему бы ему самому не сделать фотографии?! Я, конечно, понимаю, что речь идёт не только о снимках, а об экскурсии в прошлое Галины Максимовны. Когда я вернусь, она наверняка захочет рассказать о своей жизни. Да и задание немалое, потребуется несколько дней, чтобы обойти все названные ею места. Однако местному человеку намного проще сделать фотографии. Если, конечно, он хочет сделать любезность пожилой больной женщине.

– Я с удовольствием выполню вашу просьбу, но мне лю-

бопытно... неужели новый владелец дома не предложил сделать фотографии?

Проведя ладонью по скатерти, Галина Максимовна вздохнула.

– Это очень личное дело, и я искала человека, который примет мою просьбу близко к сердцу. Бабушка много о тебе рассказывала, и ты очень хороший фотограф, с душой, и потом расскажешь мне о том, где побывала. Я очень надеюсь на твою помощь.

Стыд горячей волной поднялся к лицу, и я смущённо отвела взгляд. Не заслуживаю её добрых слов, никак.

– Нужно договориться с новым владельцем о дате приезда и о том, где я буду жить.

– Выбери дату, и я передам через знакомых. В доме достаточно места, ты хорошо устроишься. Но если что-то пойдёт не так, то...

– Что пойдёт не так?! – перебила я.

Галина Максимовна свела брови к переносице и какое-то время молчала. То ли обдумывала сценарии развития событий, то ли решала, как меня успокоить.

– Вдруг владелец дома не захочет, чтобы ты фотографировала мебель? Или спальни, ведь там могут быть личные вещи. Да и в деревне наверняка многое изменилось...

Внутри меня что-то отпустило, расслабилось. Если это худший вариант, то всё не так плохо, как показалось.

– Не волнуйся, Эмма! Он о тебе позаботится. Я увере-

на, что всё будет хорошо, – жизнерадостно заверила Галина Максимовна.

Она уверена.

Я катала эти слова в мыслях, вертела в разные стороны, решая, принимать их на веру или нет.

Там почти нет связи.

Край света.

Держась за дверной косяк, я не сходила с порога. Не отпуская чувство, что, как Алиса в стране чудес, я вот-вот провалюсь в кроличью нору, и что дальше – непонятно.

– Я возьму отпуск и сообщу вам дату отъезда, а вы пока найдите способ договориться... с ним.

Галина Максимовна положила сухую, тёплую ладонь на моё предплечье и улыбнулась.

– Его зовут Тёма.

ГЛАВА 1. ЕГО ЗОВУТ ТЁМА

Она ему не написала.

Обещала, заверяла, что всё будет хорошо и он обо мне позаботится, но не написала.

А если написала, то чтобы предупредить о приезде опасной преступницы, не иначе. Потому что взгляд, которым меня огрел новый владелец дома, кроме как убийственным, не назовёшь.

Он вернулся с охоты. Заросший, грязный и страшный, на

плече он держал верёвку, на которой болтались подстреленные птицы, и – О, да! – они прекрасно дополняли общее впечатление. Пугающее.

Я сцепила руки в замок, подавляя нервную дрожь. Страх холодным ручейком пробежал между лопатками. Мужик огромен, как медведь, может переломить меня одной лапшей.

Когда Галина Максимовна сказала, что нового владельца зовут Тёма, в её голосе слышались нежность и тепло. Она пообещала, что Тёма обо мне позаботится, и я ей поверила. А зря, потому что громадных вооружённых страшил, обвешанных подстреленными птицами, Тёмой не называют. Их вообще никак не называют, от них бегут во все ноги, особенно если их ружьё наставлено на тебя.

Он смотрел на меня, как на демона во плоти, того гляди перекрестится или выстрелит. *Тёма* явно не в ладу с людьми.

Надеюсь, он интроверт, а не психопат.

– Ты на моей территории! – крикнул, заставив меня вздрогнуть.

А где мне ещё быть?!

Галина Максимовна якобы связалась с ним через знакомых и подтвердила, что он меня ждёт и всё устроит. Ключевое слово – якобы. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, почему она не попросила его сделать фотографии, и неудивительно, что он сам не предложил. Тёма не из тех, кто отвечает на письма и делает любезности, это точно. Он из

тех, кто стреляет без разбора, когда на его территорию заходит незнакомка.

Оторвав негодующий взгляд от моего лица, он уставился на мои ботинки. Нарядные замшевые ботинки с ромашками на шнурках в чавкающей грязи сада.

Мне едва удалось побороть страх и взять себя в руки. Стараясь не смотреть на ружьё, я дала Тёме второй шанс. Избегая резких движений, медленно поднялась со скамейки и робко протянула руку.

– Меня зовут Эмма Орлова. Галина Максимовна Рязанцева прислала меня сделать фотографии...

– Убирайся вон!

Я открыла рот, чтобы закричать, и тут же его захлопнула, потому что звать на помощь бессмысленно. Соседи далеко, и на мой крик прилетят только птицы, если, конечно, остались неподстреленные. Третьего шанса мужик не заслуживал, но... я на Сахалине. В лесной деревушке. На краю света.

Глубоко вдохнула, набираясь смелости.

– Если вы Тёма, то вас предупредили о моём приезде. Галина Максимовна подтвердила, что я смогу у вас остановиться... – Тыкать ему страшновато. Его возраст не определить, но с ружьём лучше говорить на «вы».

Он устремился ко мне, и я съёжилась, не зная, чего ожидать.

– Убирайся! – Поддев чемодан за ручку, швырнул его к калитке. Как будто тот ничего не весит.

– Прекратите! Вы что, ненормальный?! Я с утра вас жду, поэтому и зашла во двор, чтобы сесть на скамейку. Соседи сказали, что вы на охоте. Я долго сюда добиралась и еле держусь на ногах от усталости.

Он повесил верёвку с птицами на крюк, подхватил мой чемодан и вышел за калитку.

– Куда вы?! Галина Максимовна обещала, что вы обо мне позаботитесь. Почему вы разозлились? Если вы с ней поссорились, я тут ни при чём. Я посторонний человек и делаю ей любезность. Она болеет! Тяжело болеет!..

Я умею убеждать, дискутировать и вести переговоры, но всё это невозможно, когда ты орёшь человеку в спину и при этом стараешься не утонуть в ухабах, полных земляной жижи. У Тёмы очень широкий шаг, три моих к одному его, и он нарочно спешил, чтобы не слушать мои жалобы.

– Остановитесь, пожалуйста! Хотя бы объясните, что не так! Подождите, я за вами не успеваю. Вы меня пугаете...

Он остановился у калитки соседского дома.

От неожиданности я пронеслась мимо и чуть не шлёпнулась в канаву.

Он не помог, не поддержал. Набрав в лёгкие побольше воздуха, заорал.

– Антоныч!

В свежем весеннем воздухе звенело эхо мужского крика.

Вздвогнув, я закрыла уши ладонями. Непроизвольно, как ребёнок. Мужик глянул на меня, как на поганку под занесён-

ным над ней сапогом, и покачал головой. Презрительно.

Забрызганная грязью, испуганная и уставшая, я стояла на ухабистой дороге и не могла собраться с мыслями. Что уж кривить душой, были у меня сомнения насчёт обещанного гостеприимства нового владельца дома, но такой подставы я не ожидала. Не удивлюсь, если Антоныч работает в местной полиции и арестует меня за вторжение на частную территорию.

Я вообще ничему больше не удивлюсь.

Из дома вышла приземистая пожилая женщина.

– Чего шумишь, Тём? – Направилась к нам, оглаживая цветастый передник.

– Постоялицу вам привёл. – Открыв калитку, мужик отнёс мой чемодан на крыльцо добротного деревянного дома и, повернувшись ко мне, приказал. – Ко мне больше не суйся!

Женщина перевела на меня изумлённый взгляд и приложила ладонь к груди, словно готовясь к сердечному приступу. Покачав головой, вздохнула.

– Ох как! Ну... проходите, раз приехали.

– Спасибо, но у меня другие планы.

Внутри бурлила ярость. Я злилась на себя, на кого же ещё? Не на бабушку же. Меня не заставляли ехать на Сахалин, я сама согласилась. И доверилась тоже сама. Прониклась важностью миссии, повелась на комплименты и поверила чужим словам.

И вот... *Тёма.*

Хозяйка вежливо улыбалась и ждала, когда я поделюсь планами, которых у меня, увы, не имелось. А я гневно пыхтела в спину уходящего мужчины. С вооружёнными мужланами не спорят, но меня распирало от злости.

– Что вы себе позволяете?! Кто так обращается с женщиной?! – Не желая сдаваться, я припустила вслед за ним, с опаской поглядывая на ружьё. Повторяла про себя, что он охотник, а не убийца, и что соседи знают, где я, поэтому ничего плохого он не сделает. Пусть грубит, мне плевать. Главное – вовлечь его в разговор, а уж там разберусь, что к чему.

Я бежала изо всех сил, перепрыгивала через ухабы и лужи, но не успела. Захлопнув калитку, он скрылся в своём саду. Представив себя добычей, болтающейся на верёвке на его плече, я не решилась снова ворваться на его территорию.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.